

ОСНОВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИМЕНИ В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ

Д. ЧЕБЯЛИС

Последний этап развития латинского склонения в старофранцузском языке, вернее говоря, окончательное его угасание и полный распад именной флексии представляет собой эволюцию двух линий: восходящей и нисходящей. Эти две линии сосуществовали уже в самых ранних памятниках старофранцузского языка. Они свидетельствуют о том, что развитие языка в своей природе неоднородно, оно может сочетать в себе противоположные тенденции. Так, восходящая линия в развитии именного склонения получила свое выражение в довольно сильном оживлении флективных форм, но затем она постепенно стала угасать и в среднефранцузский период окончательно уступила свои позиции второй линии развития французского имени — нисходящей, которая, впитав в себя ожившие элементы склонения, становится единой доминирующей тенденцией и завершает свою эволюцию полным распадом системы склонения.

Остатки былой сложности флективного строя латинского имени получили свое выражение в старофранцузском в возможности противопоставления прямого падежа косвенному. Средства оформления падежных различий в системе склонения не являются совершенно новыми, созданными лишь на территории Галлии, все они уже были известны в поздней или даже классической латыни. Но там эти морфологический (флексии) и синтаксический (предлоги и порядок слов) факторы играли другую роль, их взаимодействие и удельный вес того и другого были иными, свойственными латинскому языку. На почве же старофранцузского они вступают в новую взаимосвязь, где, соответственно требованиям вновь сформировавшегося языка, меняется коренным образом удельный вес морфологических и синтаксических факторов.

Противопоставление прямого падежа косвенному в старофранцузском морфологически выражалось двумя способами: наличием или отсутствием *s* или чередованием различных основ в единственном и наличии или отсутствием *s* во множественном числе. Стремление к такой дифференциации не везде одинаково. В самых ранних текстах ко-

личество отклонений среди имен существительных, которым свойственна эта дифференциация, очень невелико. Так, например, в *Ionas* лишь одно такое отклонение *jholt* (15) — прямой падеж мужского рода единственного числа. В *Passion* этих отклонений несколько больше: *angel* (402), *anel* (156) — прямые падежи мужского рода единственного числа; *ant* (5), *vestit* (43, 23), *talant* (73), *ped* (92), *fidel* (409, 449), *pechet* (54), *rimenc* (349) — косвенные падежи мужского рода множественного числа. В *Léger*: *consilier* (92), *Lethgier* (8 раз без *s*), *Laudebert* (197) — прямые падежи единственного числа. Но в общем, противопоставление прямого падежа косвенному является бесспорным фактом, ибо оно наличествует в подавляющем большинстве случаев.

Ранние старофранцузские тексты изобилуют латинизмами, которые в свою очередь способствовали дифференциации прямого и косвенного падежей. Такие слова, в чисто латинском виде попавшие в старофранцузский язык, главным образом, из церковного языка, употреблялись исключительно в функции прямого падежа и по своему морфологическому оформлению нисколько не противоречили общему характеру вновь оживляющегося именного склонения, например, *Christus Jesus den s'en leved* (*Passion* 117); *le spiritus de lui anet* (*Passion* 320). Часто встречающаяся форма прямого падежа *geh* (*Eulalie* 12, 21; *Passion* 26; *Léger* 115) и рядом с ней в тех же самых текстах форма косвенного падежа *gei* также говорит о наличии различия этих двух падежей. В других текстах латинизированная форма *geh* совсем исчезает, например, она не встречается в *Roland*, где существует полная парадигма склонения этого слова, что объясняется, видимо, устно-эпическим характером этого памятника. Таким образом, дифференциация между прямым и косвенным падежами в старофранцузском оказывается на столько ярко выраженной, что в ее сферу втягиваются даже латинизмы.

Имена собственные не в такой значительной мере оказываются вовлеченными в орбиту с новой силой выступающего именного склонения, но и здесь заметна тенденция к проведению такого же различия двух падежей. Эта тенденция нередко приводит даже к их латинизации, например, в *Passion*: *Petdces* (423), *Petrus* (47), *Pedres* (115) наряду с косвенным *Petdrun* (410) и лишь один раз *Pedre* (113). Двухпадежному оформлению подлежат не только имена собственные латинского, но и иноязычного происхождения. Так, например, в *Roland*: *l'enseigne portet Amborges d'Olufarne* (3297): *puis sunt turnet Baviere Aleman// e Peitevin e Bretun e Norman* (3960—1); *...dist Clariens* (2790); *puis apelat dous de ses chevalers, l'un Clarifane l'altre Clarien* (2669—70).

О силе распространения падежных различий на имена собственные свидетельствует судьба имени *Carolus* в «Песне о Роланде»¹. Это

¹ Ср. R. Ruggieri, *La declinazione nella „Chanson de Roland“*. — „Archivum Romanicum“, vol. XIX, 1935, p. 37.

имя в качестве подлежащего употреблено 126 раз, из них форма *Carles* встречается 81 раз, *Carle* 1 раз, 42 раза имя написано в сокращенной форме *Carl'*, *Carll'* или *Karl'*, где стихосложение вполне позволяет правильное чтение *Carles*, и лишь два раза сокращение вызвано метрическими требованиями, один раз в функции прямого падежа употреблена форма *Carlun* (1727); в косвенном же она встречается 35 раз, из которых 21 раз *Carlun*, 5 раз *Carle*, 3 раза апострофированные формы (566, 3536, 3669), и лишь 6 раз *Carles* вытесняет дифференцированную форму косвенного падежа.

Таким образом, первый факт оживления старофранцузского склонения, т. е. распространение флективного *s*, переживает новый этап подъема. Слова, типа *pege*, *frege*, этимологически не имевшие этого *s* в прямом падеже единственного числа, получают его на более поздних этапах развития языка. Например, *Antigonus, f r e g e s le rei* (Brut 289); *c'est li p e g e s et li fius et li sains esperis* (Beaumanoir I, 1); *si cum li liv g e s le devise* (Brut 9). Если в самых ранних памятниках появление *s* в качестве флективного признака в словах, где его не было в латыни, довольно редко и носит скорее спорадический, чем последовательный характер, то отнюдь не такова картина в более поздних.

Оживление именного склонения в старофранцузском все усиливается в зависимости от двух факторов: от времени и от характера памятника. Язык на ранних этапах (*Eulalie*, *Ionas*, *Alexis*, *Passion*, *Léger*) является довольно книжным, и все эти памятники полны заимствований из церковного латинского языка, но именно в них происходит установление двухпадежного склонения в системе имени. Оно еще более отчетливо отражено в Песне о Роланде, которая хронологически следует за произведениями церковной литературы и представляет язык народного эпоса. Формы *peges*, *freges* в прямом падеже единственного числа в начале XIII в. становятся нормальным явлением в старофранцузской письменности. Все это свидетельствует о том, что оживление именного склонения в старофранцузском развивалось хронологически.

С какой силой проявляла себе вновь ожившая флективность, видно из того факта, что большая группа имен существительных женского рода получила двухпадежную дистинкцию в единственном числе при помощи флективного *s*. Например, *sa p a s s i u n s toz nos redepns* (*Passion* 12); *cum aproisdmed sa p a s s i u n s* (*Passion* 13); *que Jesus fez per p a s s i o n* (*Passion* 446); *ce fu granz s i m p l e t e z* (*Couronnement* 745); *quant p i t i é s liu n'i trouvera* (*Vers de la Mort* XVII, 10); *tex en est la c h a n ç o n s* (Raoul 1041). Роль этого *s* настолько велика, что порою наподобие имен существительных мужского рода оформляются даже имена собственные женского рода, например, *art i M a r s e n s qui fu mere B.* (Raoul 1492); *M a r s e n t i misent qui fu mere B.* (Raoul 1479). Распространение морфологического оформления склонения на имена существительные женского рода показывает, что в системе старофранцузского имени даже категория рода могла отступать на второй план перед вновь ожившей категорией падежа.

Второй момент в оживлении старофранцузского склонения, т. е. дифференция прямого и косвенного падежей при помощи различных основ в единственном числе, получил особенно широкое распространение среди имен существительных мужского рода. Например, *sire—seigneur, emperere—empereor, enfes—enfant*, очень редко среди имен существительных женского рода: *suer—soror, Alde—Aldain etc.* Во множественном же числе эта группа слов обозначает различие между прямым и косвенным падежами при помощи *s*. Таким образом, эти два момента вступают в тесный контакт друг с другом и совместно способствуют стремлению языка более отчетливо очертить именную парадигму. Например, слова *ber, emperere, hom, fel, sire* ни разу не встречаются с *s* в *Eulalie, Passion, Léger, Pèlerinage, Alexis*, т. е. в ранних памятниках старофранцузского языка, на которые влиял книжный стиль церковно-латинской письменности. Совсем другое наблюдается на более поздних этапах в языке народного эпоса. Так, в *Roland* форма *bers* появляется 8 раз против 18 раз без *s*; *empereres* 31 раз против 58 раз без *s*; *hom* встречается лишь без *s*; *fels* 6 раз против *fel* 9 раз; *sire* как и *hom* в *Roland* в прямом падеже единственного числа еще не получают флективного *s*. Но употребление того же самого *s* становится гораздо более частым во второй половине XIII века в центральных областях Франции. В сборнике документов, относящихся к истории французского парламента, где старофранцузские тексты еще весьма немногочисленны, прямой падеж единственного числа без *s* очень редок. Например, *se uns homs est apelez de son cors à la cort* (Textes relatifs 37 XII); *et fu li plus esbaubiz hons dou monde* (Textes relatifs 51 XXXII); *ore estes nos hoens* (Pèlerinage 803). Появление флективного *s* в прямом падеже единственного числа в словах типа *homs, sires, etc.*, свидетельствует, по всей вероятности, о стремлении подкрепить эту основу прямого падежа, так как в парадигме имен существительных данного типа столкнулись две тенденции: к падежной дифференциации любыми средствами, в том числе и при помощи различия в именных основах, и к устранению разных основ, к выравниванию именных парадигм.

Третий момент в оживлении двухпадежного склонения в старофранцузском состоит в том, что создаются новые немногочисленные парадигмы на основе прямого падежа единственного числа, типа *bers—ber, ber—bers*, что свидетельствует не о случайном употреблении одной формы вместо другой, а о последовательном стремлении к падежной дифференциации тем или иным способом. Это — немного более позднее «аналогическое» образование, имевшее свои корни не в книжном, а в живом языке. Например, *mais sun espier voit li bers palmeiant* (*Roland* 1155); *en Sarraguce alt, sucurre li ber* (*Roland* 2617); *la troueres Rainier et Aimer et Gilemer l'Escot, qui mout sont ber* (*Aiol* 1400)². Бо-

² Цит. по Кг. Nyrop, *Grammaire historique de la langue française*, Copenhague, vol. II, 1903, p. 196.

лее того, иногда сила парадигматического склонения столь велика, что *s* основы у обычно несклоняемого слова воспринимается как *s* флексии и устраняется в косвенном падеже единственного числа и в прямом падеже множественного числа, например, *seignors, vez chançon dont li ver sunt bien fait* (Orson 1); *onques ne me fis refu* (Auberger 158)²; *devers l'abi* (Vers del juise 240) или *la gentil dame au gent cor avepant* (Raoul 38). Таким образом, наблюдения показывают, что тяготение к дифференциации между прямым и косвенным падежами, испытывают одно время особое оживление. Затем они вольются в общий поток развития языка, и старофранцузское склонение постепенно утратит всякое различие падежей.

Особая сила и жизнеспособность звука *s* позволяют обоснованно говорить об оживлении склонения в старофранцузском, о своеобразном этапе развития, когда в именной системе появились новые силы, которые привели к перераспределению удельного веса морфологии и синтаксиса в структуре имени.

Но вместе с этим вышеизложенными чисто морфологическими способами язык знал и другие средства для выражения падежных отношений. Эти средства состояли, в основном, из порядка слов. Круг значений, представляемых этим способом, можно свести к одному обобщающему понятию — к отношению принадлежности.

Порядок слов, как фактор, указывающий на отношения принадлежности, жив и широко применяется лишь в старофранцузском, где устанавливается строгое правило: определяющее слово следует за определяемым. Такой способ выражения отношения принадлежности в системе имени сохраняется в течение всего старофранцузского периода, а затем он заменяется предложными конструкциями с *de*. Например, *par cumandement deu* (Alexis 293); *l'angeles deu de cel dessend* (Passion 393); *an la maison Eufemien quereiz* (Alexis 314); *jo oi le corn Rollant* (Roland 1768); *deit estre quite par le cheval sun pere* (Wilelme 20, 17) *la femme lu rei Hugon* (Pèlerinage 822); *li home le conte* (Textes relatifs 38 XXIII). Так как это новообразование получило широкое применение лишь в старофранцузском языке, его можно условно считать четвертым моментом в оживлении именного склонения. Этот четвертый момент имеет своеобразные формальные признаки, взятые на этот раз уже не из арсенала постепенно исчезающих флексий, а из области синтаксиса.

Таким образом, общее оживление именного склонения в старофранцузском, выразившиеся в четырех моментах (применение флективного *s*, различные основы в прямом и косвенном падежах единственного числа, образование парадигм склонения на основе прямого падежа единственного числа и группа поссессивных отношений), образует восходящую линию в развитии именной системы в старофранцузском. В оживлении склонения преобладающую роль в образовании показателей отношений между словами играла морфология, но общая картина развития этих новообразований наглядно показывает взаим-

ное проникновение морфологии и синтаксиса. Победителем выходит синтаксис, и хотя впоследствии формулообразные выражения possessивных отношений и исчезают, но способы их образования — порядок слов и предлоги — остаются решающими во всей последующей истории французского языка.

* *
*

Заметное оживление склонения имени существительного в старофранцузском с самого начала сопровождалось другой, не менее заметной тенденцией в развитии именной системы, а именно, вторжением косвенного падежа в область прямого. Примеры такого вторжения встречаются уже в самых ранних памятниках старофранцузского языка, например, в Житии св. Алексея (XI в.). Однако, их появление в этих текстах носит скорее спорадический, чем последовательный характер. Другая линия развития именной системы нашла свое выражение в стремлении свести прямой и косвенный падежи в одну обобщенную форму. Борьба этих двух противоположных течений решается во времени в пользу второго, и на современном этапе французский язык сохранил лишь незначительные остатки былой богатой флексии в системе имени.

Возросшая частота употребления морфологических средств в именном склонении старофранцузского языка особенно на начальных его этапах позволяет говорить об общепринятой норме в системе имени, которую отчетливо сознавали все пишущие люди того времени. Случаи, когда языковой факт не соответствует такой «норме», могут быть названы также условно «отклонениями». В системе старофранцузского имени такими «отклонениями» были случаи употребления форм косвенного падежа вместо прямого. Довольно редкие в ранних памятниках с течением времени эти отклонения все учащаются и под конец перерастают в свою противоположность — они сами становятся нормой, но на этот раз не условной, а настоящей, закрепленной в виде правил в первых грамматиках французского языка в XVI веке. Борьба между прямым и косвенным падежами прошла различные этапы своего развития, от своеобразного оживления дифференциации между ними до полного безразличия к падежным дистинкциям вообще.

Единственным смыслом существования системы склонения в старофранцузском было отчетливое выражение морфологическими способами противопоставления подлежащее прямое дополнение. В этой системе можно четко выделить две сферы: сферу прямого падежа, выражающего наиболее свободные, независимые отношения в предложении (подлежащее, обращение, приложение, сравнение) и сферу косвенного падежа, охватывающего зависимые отношения (косвенное и прямое дополнения). Косвенное дополнение полностью выпадает из противопоставления подлежащее/прямое дополнение, а кроме того, в старофранцузском оно уже имело свои четко выраженные оформители: предлоги и для possessивности — порядок слов (тип *le filz le rei*). Сле-

довательно, синтаксис полностью вытеснил морфологию сперва из области косвенного дополнения и тем самым занял видное место во всей сфере зависимых отношений. Так как предлоги не играли никакой роли для выражения прямого дополнения, то основным моментом, определившим дальнейшее развитие именной системы в старофранцузском, является порядок слов, который по мере того, как постепенно закреплялось постоянное место за основными членами предложения, позволяя опознать их по месту нахождения в предложении, сделал излишним дополнительные морфологические средства.

Борьба между формами косвенного и прямого падежей происходит лишь в сфере прямого падежа, так как появление прямых форм вместо косвенных крайне редко за весь период старофранцузского, а иногда просто граничит со случайностью. Следовательно, прямой падеж, будучи доминирующим в своей сфере на начальных этапах старофранцузского, не оказывает почти никакого стремления вторгнуться в сферу косвенного падежа и постепенно уступает свои позиции последнему.

Итог соотношения морфологии и синтаксиса в эволюции латинской именной системы, по-видимому, таков: синтаксис, т. е. первоначально предлоги, затем порядок слов (отношения possessивности), проникает в склонение через сферу косвенного падежа. Таким образом, в старофранцузскую пору становление порядка слов оказалось решающим фактором в развитии взаимосвязи подлежащего и прямого дополнения. Из сферы зависимого падежа влияние порядка слов распространилось также и на сферу независимого и стало определять тот и другой по их синтаксическим позициям. Тут же возникает закономерный вопрос, распад ли системы склонения вызвал необходимость установить твердый порядок слов, как единственную замену, которая дала возможность определить в предложении подлежащее и прямое дополнение, или же процесс шел обратным путем, т. е. постепенное застывание порядка слов сделало ненужным падежи, а тем самым именные склонения были обречены на медленное отмирание.

Ведь латинский литературный язык отличался некоторой «искусственностью», а так как он был языком синтетического строя, то его освобождение от строгих морфологических норм в период падения литературной традиции и должно было вызвать в жизнь другие средства — уже не синтетические, которые указывали бы на отношения между словами.

Колебания в именном склонении известны уже давно, но с порядком слов они еще не связаны. Мощным синтаксическим фактором, действовавшим на морфологическую систему латинского имени, было употребление предлогов. Сокращение именной флексии завершается значительным ее распадом в поздней латыни (VIII в.). Падежные дистрикции в поздней латыни оказались гораздо менее отчетливыми, чем в классической, значения падежей стали расплывчатыми, им была свойственна многозначность, а тем самым и абстрактность, но язык всегда

стремится к конкретности путем выражения, оформленного определенным способом. Следовательно, возникла потребность в замене морфологических средств в именной системе. Этой заменой оказался помимо предлогов, и порядок слов. Но предлоги охватывают лишь круг отношений, которые выражаются косвенными дополнениями. Остается прямое дополнение и подлежащее, в развитии которых и выступает главным фактором порядок слов. Сокращение именной флексии, вызванное определенными изменениями в ее значении, привело в поздней латыни к необходимости установить более твердый порядок слов, который закрепил бы за именным членом предложения постоянное место во фразе. Свободный порядок слов в латинском языке определялся морфологическими факторами именного склонения. Но как и во многих других случаях, так и здесь, языковое развитие оказывается весьма противоречивым явлением. Порядок слов из явления, определяющегося именной флексией, перерастает в фактор; определяющий синтаксическую функцию имени. В старофранцузском языке порядок слов был уже мощным и самостоятельным фактором, который не только сосуществовал с морфологической системой старофранцузского имени, но который под конец полностью обрек ее на отмирание.

* *
*

В природе развития нисходящей линии в системе именного склонения можно выделить два основных типа отношений прямого и косвенного падежей: отношения в сфере противопоставления подлежащее/прямое дополнение и отношения в сфере, где такого противопоставления нет, т. е. в именном предложении, в обращении и приложении.

В ранних памятниках старофранцузского (IX—X вв.) не являющихся нормандскими или англо-нормандскими, уже заметны первые признаки будущих колебаний в оформлении прямого падежа в функции подлежащего. Они встречаются в препозиции к сказуемому, выраженному переходным глаголом, так и в постпозиции. Например, *sicut prophetes anz mulz dis || canted aveien de Jesu Crist (Passion 27—28)*; *il le amat, de u lo covit (Léger 17)*. В приведенных примерах подлежащее состоит из одного имени существительного в форме косвенного падежа. Примеры такого типа крайне редки в ранних памятниках. В них чаще встречается группа подлежащего, состоящая из имени существительного и прилагательного или неопределенного местоимения в качестве определения, где косвенную форму в функции подлежащего имеет лишь прилагательное, а существительное сохраняет форму прямого падежа. Так как в этих памятниках нет примеров, где прилагательное оказалось бы в форме прямого падежа, а существительное в форме косвенного, то этот факт свидетельствует, что прилагательное в группе подлежащего, по-видимому, легче теряет флексию прямого падежа, чем существительное, которое является центральным членом этой группы и сохраняет в функции подлежащего нормальную флексию

прямого падежа, например, *ensobre tot petiz enfan || osanna sempre van clamant* (Passion 48—49); *quar anc non fo nul om carnals, || en cel enfern non fos anaz* (Passion 381—382). Во всех примерах лишь в одном случае подлежащее отделено от сказуемого группой обстоятельства... *anz mulz dis* (Passion 27—28). Можно предположить, что появление косвенной формы в функции подлежащего связано со стремлением к тесному контакту подлежащего со сказуемым, так как в указанной синтаксической ситуации, т. е. при наличии непосредственного примыкания подлежащего к глаголу, будь это в препозиции или в постпозиции, оно определяется своим положением в предложении, следовательно, менее нуждается во флективном оформлении, чем будучи в дистанции от сказуемого. Примеры замены прямого падежа в функции подлежащего косвенным становятся гораздо более частыми в нормандских и англо-нормандских памятниках в XIV веке и особенно обильными в XII веке.

Примеры с неопределенными местоимениями, лишенными падежной дифференциации, встречаются впервые в *Хождении Карла Великого*, которое является нормандским памятником XI века. Например, *...que vos tu z le verrez* (Pèlerinage 557); *e dist li un al altre* (Pèlerinage 448); *ca s c u n des duze pers i at ja le soen pris* (Pèlerinage 436). Это свидетельствует о расширении тенденции употреблять косвенный падеж вместо прямого в функции подлежащего.

Синтаксические позиции, в которых косвенный падеж вытесняет прямой, ничем не отличаются от тех позиций, в которых сохраняется форма прямого падежа. Они остаются такими же как для исчезающего прямого падежа, так и для наступающего косвенного. Об этом же свидетельствуют многочисленные случаи, где в одинаковых синтаксических позициях имя существительное в функции подлежащего и сохраняет морфологический признак прямого падежа и теряет его, что в общем говорит о все сильнее выступающем стремлении к падежному безразличию, например, *que valt cist crit, cist dols, ne ceste noise* (Alexis 502).

Особое безразличие к падежным дистинкциям проявляют имена собственные, как в случае употребления в виде приложения в группе подлежащего, так и в сопровождении эпитета или без него, например, *li reis Marsilie le destre poign i perdiet* (Roland 2795); *seint Gabriel de sa main l'ad pris* (Roland 2390); *Gualter desrenget les destreiz e les tertres* (Roland 869); *dist Clarien* (Roland 2764); *dist Valigant* (Roland 2769). Такое употребление имен собственных — очень частое явление в языке французского народного эпоса. В силу своего многократного повторения оно становится чем то напоминающим застывшую формулу и тем самым способствует нефлективному оформлению имен собственных.

Стремление к тесному контакту между подлежащим и сказуемым отчетливо видно и в примерах, где косвенный падеж в функции подлежащего находится в постпозиции при переходном глаголе, например,

dit od le cleric sa querele (Freine 177); par uns e uns les ad pris le barun (Roland 2190); mal cuple em fist li criator (Adam 231); plus curt a piet que ne fait un cheval (Roland 890); dist l'amiraill (Roland 3508, 3589, etc.); sis unt paiens vencut (Roland 2042).

Во всех этих случаях нужно отметить тесный контакт между подлежащим и сказуемым. Иногда влияние этого контакта сказывается на всех элементах группы подлежащего в том, что в ней появляется новая закономерность согласования, а именно, имя существительное и прилагательное принимает форму косвенного падежа, как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к глаголу, например, *li fel serpent... me fist mangier* (Adam 577); *mult bon vassal vos ad lungtemps tenue* (Roland 2311); *di moi, muiller, que te querrait li mal s atan* (Adam 277).

Наряду со все возрастающим стремлением к тесному контакту подлежащего с его сказуемым, наблюдается и другая тенденция в текстах XII века, а именно, появление формы косвенного падежа в качестве подлежащего в дистантных положениях по отношению к сказуемому, когда между ними допускаются прямое дополнение, выраженное именем существительным, или прямое дополнение плюс обстоятельство образа действия или места или даже целое придаточное предложение. Например, *e quatre cuntes l'estreu li unt tenu* (Roland 2820); *un d'els un ymage trova* (Nicolas 663); *L'arcevesque de deu les beneist* (Roland 1137); *tuz cels que istront de nostre lignee, || del toen forfait sentiront la hascee* (Adam 557—8). Этот факт показывает, что, с одной стороны, спаянность подлежащего со сказуемым не являлась еще необходимостью для языка, а с другой стороны, возможность появления формы косвенного падежа в качестве подлежащего даже в дистантном положении последнего говорит о том, что прямой падеж перед глаголом иногда может быть полностью вытеснен косвенным.

В текстах XII и XIII вв., которые относятся в большинстве случаев к центральным или к восточным, или к северо-восточным областям Франции, в системе имени наблюдается несколько иная картина. Морфологические средства оформления прямого и косвенного падежей оказываются весьма живучими. Колебания между прямыми и косвенными формами падежей весьма немногочисленны, но и здесь, как в нормандских и англо-нормандских памятниках прослеживаются те же самые тенденции к замене форм прямого падежа формами косвенного.

Частым явлением становятся косвенные формы в постпозиции по отношению к глаголу, например, *ce li a dit Bernier* (Raoul 2125); *veit le li pere* (Couronnement 147); *trente deniers en reçut le felon* (Couronnement 1001); *ve fait l'orgiex vostre fil que voi ci* (Raoul 1156). Постпозитивное употребление подлежащего при глаголе никогда не было характерно для французского языка. В старофранцузскую пору в процессе становления порядка слов место подлежащего отчетливо намечается впереди глагола, следовательно, постпозитивное положение последнего даже в старофранцузском воспринималось как нечто не-

обычное. Огромное большинство примеров, свидетельствующих как о вторжении формы косвенного падежа в сферу прямого, так и о сохранении последнего в его исконной роли, относятся к препозиции по отношению к сказуемому. Но соотношение форм косвенного падежа с формами прямого падежа в препозиции и в постпозиции отчетливо показывает, что косвенный падеж в функции подлежащего встречается чаще в постпозиции, чем в препозиции. Косвенный падеж, для которого характерна постпозиция, так как нормальной его функцией является обозначение дополнения, начинает оформлять и подлежащее, стоящее в постпозиции. Наступательное развитие косвенного падежа в постпозиции вскоре распространяется и на препозицию, способствуя таким образом усилению общей тенденции к развитию одной обобщенной формы.

Соотношение непереходного глагола со своим подлежащим, выраженным прямым падежом, в основном оказывается таким же самым, как и его соотношение с переходным глаголом. Фраза со сказуемым, выраженным непереходным глаголом, является промежуточной между глагольным и номинальным предложением. Непереходный глагол подразумевает отсутствие прямого дополнения, следовательно, в таком предложении отсутствует база старофранцузского склонения — противопоставление подлежащее/прямое дополнение. Однако переходность или непереходность глагола не оказывает особого влияния на развитие косвенных форм в функции подлежащего. В нормандских и англо-нормандских текстах XII века можно уже наблюдать почти полную победу обобщенной косвенной формы вместо прямого падежа, например, *e si aucuns vescu te u provost mesfait as humes de sa baillie, e de ceo seit a te int devant justice, le forfait est a double de ceo que a utre fust forfait* (Wilelme, 2, 2—3).

* *
*
*
*

Отсутствие противопоставления подлежащее/прямое дополнение самым ярким образом представлено в так называемой номинальной фразе,³ центральным членом которой является именное сказуемое. В такой фразе отсутствует прямое дополнение, следовательно, способность языка выражать такое дополнение не играет в данном случае никакой роли, и вся эта фраза находится как бы за пределом необходимости определять различия между подлежащим и прямым дополнением. Именные элементы предикатива в латинском и, обычно, в старофранцузском языках согласуются с подлежащим, которое выражалось именительным падежом. В старофранцузском косвенные формы появляются легче всего в предикативе и в первую очередь для причастий и прилагательных, т. е. в тех элементах, которые находились на периферии именной системы.

³ Cp. R. L. Politzer, On some Syntactical Factors in the Development of the Romance Single Case. — „General Linguistics“, vol. III, N 1, 1957, p. 30—36.

Причастия настоящего и прошедшего времени в старофранцузском обладали целым рядом свойств прилагательного и, как правило, были вовлечены в систему имени, т. е. им также была свойственна падежная дифференциация, которая выражалась обычным путем прибавления флективного *s* в прямом падеже единственного числа и отсутствием *s* в прямом падеже множественного числа. Как и в самых ранних памятниках IX и X вв., так и в немного более поздних, особенно в Нормандии и в англо-нормандских областях в XI и XII вв., в согласовании прошедшего причастия с подлежащим наблюдаются значительные колебания. Например, при отсутствии в тексте четко выраженного подлежащего: *dunet sum pris ed enz est a lo et* (Alexis 78); *sur l'erbe verte s'i est cu l'chet adenz* (Roland 2358); *ne par lui ne s'en est fu id* (Willelme 3, 5); *venuz sont a Paris* (Pèlerinage 862); *puis sunt muntez sur lur curanz destrers* (Roland 1142). Поскольку характерной чертой данных примеров является отсутствие отдельным словом выраженного подлежащего, то представляется возможным говорить лишь о более или менее тесной связи между причастием и связкой, и нужно отметить, что эта связь очень тесна. Анализ употребления косвенных форм с переходными и непереходными глаголами показывает, что их появление бывает особенно интенсивным при наличии тесного контакта между подлежащим и простым сказуемым, но подлежащее в языке народного эпоса часто отсутствует. Однако, здесь также можно говорить о контактах только не между подлежащим и простым сказуемым, а между составными частями именного сказуемого, т. е. между связкой и именной его частью. Прямой падеж легче заменяется косвенным при наличии контакта между ними. Благодаря такому контакту предикатив не требует особым, т. е. флективным, образом выраженной дистинкции между прямым и косвенным падежами, ибо он определяется соответствующим положением именной части сказуемого и его связкой. Кроме того, предикатив вообще лишен возможности выражать противопоставление подлежащее/прямое дополнение, т. е. здесь отсутствует база, на которой строилось двухпадежное склонение в старофранцузском. Следовательно, безразличие к дистинкциям между падежами возникает в первую очередь там, где подлежащее и простое сказуемое, с одной стороны, и глагольная связка и предикатив, с другой, теснейшим образом спаяны между собой.

Обобщенная форма косвенного падежа широко распространяется не только на причастия вновь формирующегося сложного прошедшего времени, но и на те причастия, которые выступают в качестве именной части сказуемого и выражают либо характеристику подлежащего, либо его состояние и приближаются к формам страдательного залога. Например, *quant il ço sourent qued il fu id s'en eret* (Alexis 103); *ne il n'en fut ne vestut ne saisit* (Roland 3213); *ja n'ert ven cut par nul hume carnel* (Roland 2153); *ben sunt malez par jugement des altres* (Roland 3855); *pur Guenelun erent a plait venuz || pur Pinabel en ostage renduz* (Roland 3949—3950).

Самостоятельная роль причастия прошедшего времени отчетливо видна в его соотношении с подлежащим, выраженным именем существительным или даже группой существительное плюс прилагательное, из которых одно или оба являются флективно оформленными, т. е. у них наличествует признак прямого падежа *s* в единственном числе, тем временем как тот же самый *s* отсутствует у причастия в предикативе, например, *a icest colp est li esturs v en cut* (Roland 3931); *asez est dreiz que Guenes seit p en d ut* (Roland 3941); *de sul le fer fust uns mullez trusset* (Roland 3154). Форма косвенного падежа становится со временем преобладающей не только в предикативе, но и во всей номинальной фразе, охватывая и подлежащее, например, *or veit Rollant que mort est s un a mi* (Roland 2024); *v en cut est le culvert* (Roland 1394); *li mien pecc h i é iert e scrit en livre* (Adam 544).

Такое же стремление выйти из сферы именного склонения проявляет причастие не только прошедшего, но и настоящего времени, например, *Carles ne creint nuls hom ki seit v iv a nt* (Roland 2740); *ki seit e r r a nt par le pais* (Wileme 26, 21); *sn hom ocist autre, e il seit c u n u i s s a nt* (Wilelme 7,8).

В некоторых случаях причастие настоящего времени в предикативе становится просто прилагательным, например, *clers est li jurz e li soleiz l u i s a nt* (Roland 2646); *li amiralz est riches e p u i s a nt* (Roland 2731). Стремление причастия к одной форме косвенного падежа свидетельствует о том, как далеко зашел уже процесс установления единой формы имени. Своею особой склонностью к нефлективности причастие вообще обязано, по-видимому, своей глагольной природе. Во французском языке оно обладало целым рядом свойств глагола, и поэтому оно никогда полностью не переходило в систему имени.

Первым типом имен существительных, потерявшим свою флексию уже в поздней латыни, был тип *gose—goses*. В эпоху старофранцузского от флективности этого типа не осталось никаких следов, кроме различия единственного и множественного чисел. Остальные два типа имен существительных *muirs—muir* и *empegege—empegeug*, которые сохранили различия прямого и косвенного падежей в старофранцузском, не одинаково относились к своим несложным флексиям. Односложные, типа *pege—pege*, пережившие временное оживление флективного оформления в конце XIII в. и особенно в начале XIV в., затем снова теряют флективный *s* в прямом падеже единственного числа. Возможно, под их влиянием примерно в то же время односложные имена существительные, типа *muirs—muir*, также в огромном количестве теряют свои флективные различия падежей, оставляя за собой лишь признак единственного и множественного числа. Неравносложные, типа *empegege—empegeug*, получившие вдобавок еще флективный *s* в прямом падеже единственного числа, сохраняют падежные различия вплоть до конца XIV в. Этому способствовала, по-видимому, двойная флексия: различие основ плюс к этому еще конечный *s*. О том, что неравносложные имена

существительные, типа *empegege—empegeur*, более стойко сопротивлялись окончательному распаду именной флексии, свидетельствуют некоторые остатки былой падежной дифференциации в современном французском языке. Например, неопределенное местоимение *op* является прямым продолжателем старофранцузского прямого падежа *hom*. Правда, это слово сегодня относится к другой категории, а за именем существительным закреплена форма косвенного падежа *homme*. Или *chantre* и *chanteur* относятся к той же категории имен существительных, различаясь лишь незначительными семантическими оттенками. Существование в современном французском языке слов типа *op—homme* или *chantre—chateur* имеет свои корни в глубокой древности, оно является отражением падежной дифференциации старофранцузского имени.

Прилагательное, будучи эпитетом имени существительного, связано с ним теснейшим образом и обычно следует за ним во всех своих изменениях, но зато в качестве именной части сказуемого оно является более самостоятельным элементом именной системы и играет большую роль в развитии обобщенной формы косвенного падежа. При полном соблюдении флективности у имени существительного в функции подлежащего, прилагательное в предикативе проявляет склонность к безразличию к падежной дифференциации, например, *brief est cist secles. plus durable atendeiz* (Alexis 547); *car l'emperere est riche* (Pèlerinage 206); *sanglant en est li branz* (Roland 1056); *par ceste barbe dunt li peil sunt canuz* (Roland 3133); *li mul e li sumer sont garniz et trusset* (Pèlerinage 240).

Итак, причастие и имя прилагательное проявляют свою самостоятельность и независимое положение первоначально в предикативе, когда подлежащее либо находится в дистантном положении и выясняется лишь из общего контекста, либо выражено личным местоимением, а иногда и именем существительным. В этих условиях причастие и имя прилагательное могут проявить безразличие к флективному оформлению падежей и появиться в единственном числе без *s*, а во множественном с *s* прокладывая таким образом путь одной обобщенной форме для каждого числа в отдельности. Такова первая ступень. Второй ступенью в развитии единой обобщенной формы падежа в именном предложении являются колебания, когда имя существительное в функции подлежащего проявляет безразличие к флективной оформленности, а причастие и прилагательное в предикативе соблюдают эту дифференциацию двух падежей, например, *trestuz mes granz tresor nos seit abandonez* (Pèlerinage 839); *que vassals est li nostre emperer* (Roland 1444); *tient Halteclere, dunt li acer fut bruns* (Roland 1953). Дальнейший этап развития безразличного отношения к падежной дифференциации состоит в том, что подлежащее и именная часть сказуемого оказываются лишенными всякого морфологического признака прямого падежа. Например, *car tot li mond vos iert encline* (Adam 64); *le fous estoit mult fier e grant* (Adam 939); *vos estes proz e vostre saveir est grant* (Roland 3509); *cest mot mei est estrange* (Roland 3717).

Не только причастие и имя прилагательное, но и существительное в предикативе может оказаться без флективного оформления. При этом, подлежащее, относящееся к данному именному сказуемому, либо совсем отсутствует, либо становится понятным из предыдущего контекста, например, *pur tut l'or deu ne volt estre c u a r d* (Roland 888); *jointes ses mains iert vostre c o m a n d e t* (Roland 696); *por ço est d r u d al felun rei Morsilie* (Roland 1479); *il iert p r o p h e t e* (Adam 776); *li arcevesque Turpin qui m a i s t r e fut des ordres* (Pèlerinage 828).

В случаях, когда подлежащим оказывается имя существительное, а предикатив состоит из существительного, а иногда из существительного и прилагательного, имя прилагательное в предикативе в первую очередь теряет свою флективную оформленность, при полном ее сохранении у подлежащего, например, *Margariz est mult vaillant chevalers* (Roland 1311); *li hons osbercs ne li est g u a r a n t p r o d* (Roland 1277); и дальнейшая ступень, когда в предикативе само имя существительное, следуя за причастием и прилагательным, также теряет свою флективную оформленность, например, *li quens Rollant fut noble quegger* (Roland 2066). Полная потеря предикативом и группой подлежащего флексии это последняя ступень в распространении обобщенной формы, например, *G u a l t e r de Hums est bien bon chevaler* (Roland 2067); *li arceves que est mult bon chevaler* (Roland 1673); *m e s s a g e en iert saint Gabriel* (Adam 926). Итак, косвенная форма имени существительного, все более энергично вытесняя форму прямого падежа, проникает и в предикатив.

Развитие взаимоотношений прямого и косвенного падежей с переходным и непереходным глаголом и развитие тех же отношений в предикативе не являются двумя этапами, исторически следовавшими друг за другом. Эти два момента сосуществовали уже в самых ранних памятниках старофранцузского языка, и они являются лишь двумя аспектами в едином развитии всей именной системы, в полном распаде склонения. Исчезновение необходимости в падежной дифференциации теснейшим образом зависит от постепенного закрепления определенного порядка слов во французском предложении. Как место подлежащего все более приближалось к глаголу, независимо от того, был ли он переходным или непереходным, и стояло ли подлежащее в препозиции или в постпозиции по отношению к глаголу, так и предикатив, будь он из одного или из нескольких элементов, все теснее срастался со своей связкой и, так как он всем своим содержанием относится к подлежащему, то благодаря четкому указанию на их место в предложении отпала необходимость в добавочном оформлении их прямым падежом. Таким образом, флективный *s* потерял свою жизнеспособность и стал отмирать, а тем самым и система двухпадежного склонения была лишена возможности дальнейшего существования.

* * *

*

В классической латыни обращение выражалось звательным падежом, но далеко не во всех случаях этот падеж имел ему одному присущие морфологические показатели. Поэтому особенно самостоятельной роли в смысле падежа, имеющего четкое формальное определение в системе латинского имени, он не играл. Уже в архаическую пору латинский вокатив часто заменяется номинативом, например, *meus ocellus* (Plautus, Asin. 664); *audi tu, populus Albanus* (Livius 1, 24, 7)⁴. В народной латыни звательный падеж исчез окончательно и был целиком заменен именительным⁵. Обращение занимает в предложении совершенно иное положение, чем какой-нибудь другой его член, ибо ничто не является таким оторванным от всего сложного переплетения всяких взаимоотношений подлежащего, сказуемого, обстоятельств и их определений, как обращение. Оно одно как бы образует предложение и не передается ни в каких других дополнительных элементах. Таким образом, обращению чуждо то основное, для чего старофранцузский язык использовал существование двухпадежной системы склонения, а именно, обращение не имеет никакого отношения к противопоставлению прямого падежа косвенному, подлежащего — прямому дополнению.

Обращение теснейшим образом связано с приложением, ибо один за другим следующие элементы обращения могут быть восприняты либо как приложения к одному центральному члену этого обращения, либо как ряд обращений, следующих друг за другом. Например, *seigneur barons, Charles nus laissat ci* (Roland 1127); *sire cum paign, tant mar fustes hardiz* (Roland 2027).

Так как уже в народной латыни звательный падеж был целиком заменен именительным, то в старофранцузском можно ожидать того же самого, а именно, что обращение будет выражаться формой прямого падежа, например, *mercit, mercit, mercit! saintismes hom* (Alexis 359); *dreiz emperere, veiz me ci en present* (Roland 308); *fai le biau soncles* (Raoul 2296).

Но наряду с этой общей тенденцией, исходящей из всего развития латинской именной системы, в старофранцузском языке наблюдается и другое направление в развитии оформления обращения. Форма косвенного падежа в функции обращения встречается в самых ранних памятниках старофранцузского языка и вскоре получает очень широкое применение. Например, *dient Franceis: Barun, tant mare fus* (Roland 1604); *las, cheitif! ke pus jeo dire* (Freine 143); *cu tu vendras, Crist, en ton ren* (Passion 296); *Locrin, dist il, put fel, put fel* (Brut 1346); *ço dist Rollant: Oliver, compaign, frere* (Roland 1456); *seignors barons, de vos ait leus mercit* (Roland 1854).

Формы косвенного падежа вместо звательного получают широкое распространение в старофранцузском языке и вскоре становятся пре-

⁴ Цит. по J. Svennung, *Anredeformen. Vergleichende Forschungen zur indirekten Anrede in der dritten Person und zum Nominativ für den Vokativ*, Lund, 1958, S. 192.

⁵ См. там же, стр. 247.

обладающими. Такое пренебрежение к форме прямого падежа или, вернее говоря, стремление и в этом случае к употреблению обобщенной формы косвенного падежа, стало возможным лишь тогда, когда в языке произошла коренная ломка по отношению к выражению флективными способами противопоставления подлежащее / прямое дополнение, т. е. когда основным показателем такого противопоставления стал порядок слов.

Как обращение, так и приложение и сравнение являются группами не в меньшей мере оторванными от взаимоотношений центральных членов предложения. Разница лишь в том, что если обращение может быть воспринято как самостоятельное предложение, то приложение и сравнение должны относиться к какому-нибудь другому члену предложения. С точки зрения оформления приложение и сравнение следуют за тем членом предложения, к которому они относятся, например, *par le camp vait Turpin, li arcevesque* (Roland 1605); *Edward par la grace de dieu, ray d'Engleterre, seigneur d'Irlande* (Chartes anglaises 96); *richesce est de tel nature cum femer* (Freine 353).

Таким образом, обобщенная форма косвенного падежа постепенно становится преобладающей там, где раньше целиком господствовал прямой падеж. После того, как корни прямого падежа оказались подрубленными и в сфере подлежащего и в предикативе, прямой падеж оказался не обязательным в приложении и в сравнении. Итак, развитие косвенной формы падежа в группах, оторванных от непосредственной связи с противопоставлением подлежащее/прямое дополнение, т. е. в обращении, в приложении, в сравнении, является вторичным аспектом в эволюции именной системы, следующим за основной линией развития — за судьбой прямого падежа в функции подлежащего и предикатива.

* *
*

Вопрос об окончательном распаде системы склонения в старофранцузском языке тесно связан с судьбой звука *s*. Нет никаких сомнений, что этот звук произносился во всех позициях в первоначальную пору старофранцузского языка. Но вскоре, особенно рано в англо-нормандских рукописях, начинаются колебания, и *s* опускается в конце слова перед другим словом, начинающимся согласным. Этот факт отмечается в трактатах о произношении во второй половине XIII в. (*Orthographia Gallica*)⁶. Этот факт полностью соответствует значительным колебаниям между формами прямого и косвенного падежей в нормандских и англо-нормандских текстах в XII в., которые являются настолько значительными, что позволяют говорить о фактическом распаде именного склонения в англо-нормандских областях уже в конце XII в. На континенте самые ранние указания на произношение звука *s* появляются очень

⁶ См. М. К. Pope, *From Latin to Modern French with especial consideration of Anglo-norman*. — „Phonology and Morphology“, Manchester University Press, 1956, p. 221.

поздно. Так, Т. де Бэз⁷ (1584) еще допускал звучание *s*, а Мопа⁸ (1607) уже возражает против того, чтобы восстановить произношение *s* в конце слов. Ф. Брюно⁹ и М. К. Поп¹⁰ считают, что в XVI в. *s* уже окончательно исчезло из произношения, следовательно, в период последних этапов окончательного распада именного склонения, а именно в XIV в., *s* был еще живым звуком и не только писался, но и произносился. Колебания звука *s* в написании свидетельствуют не только о его фонетической эволюции, но и об ослаблении его морфологической роли. Возможность воспользоваться звуком *s* там, где он нужен в рифме, опустить его там, где он мешает, говорит еще не о слабости самого звука, а лишь о непрочности тех морфологических категорий, признаком которых он являлся, следовательно, в данном случае вполне правомерно говорить о непрочности категории падежа.

Колебания в старофранцузских текстах, относящиеся к именному склонению, позволяют говорить о полном безразличии к падежным дистрикциям в центральных и северо-восточных областях Франции не раньше конца XIV в. Но так как всякое изменение в языке всегда раньше происходит в разговорной практике и лишь затем находит свое отражение в литературных памятниках, то можно считать, что факты распада именного склонения, получившие широкое отражение в памятниках письменности лишь в конце XIV в., за исключением нормандских и англо-нормандских областей, произошли в разговорном языке несколько раньше, примерно в первой половине XIV в. Таково движение распада системы склонения в старофранцузском во времени, а в пространстве оно шло из нормандских областей в северо-восточные, т. е. с Запада на Восток.

Анализ развития системы имени в старофранцузском позволяет сделать следующие выводы:

1) развитие системы имени в старофранцузском противоречиво, оно выражается двумя линиями: восходящей (применение флективного *s*, различные основы в прямом и косвенном падежах единственного числа, образование парадигм склонения на основе прямого падежа единственного числа и группа так называемых поссессивных отношений), которая позволяет говорить о довольно сильном оживлении именного склонения, и нисходящей, эволюция которой завершается полным торжеством косвенного падежа над прямым, т. е. полным распадом именного склонения;

2) решающим фактором, определившим отмирание флексии в системе имени, является постепенная фиксация порядка слов;

⁷ См. Кг. Нурор, *Grammaire historique de la langue française*, Copenhague, vol. I, 1904, p. 414.

⁸ См. F. Brunot, *Histoire de la langue française*, Paris, vol. II, 1927, p. 270.

⁹ См. там же, стр. 270.

¹⁰ См. M. K. Pope, *From Latin to Modern French with especial consideration of Anglo-norman*. — „Phonology and Morphology“, Manchester University Press, 1956, p. 223.

3) в группе подлежащего имя прилагательное проявляет большее безразличие к падежным окончаниям, чем существительное, возможно, ввиду своей второстепенной роли в ней;

4) появление косвенной формы теснейшим образом связано со все возрастающим контактом между главными членами предложения: между подлежащим, будь оно в препозиции или в постпозиции, и сказуемым, с одной стороны, и между глагольной связкой и именной частью сказуемого, с другой;

5) имена собственные во всех синтаксических позициях одинаково проявляют особую склонность к обобщенным формам имени;

6) форма косвенного падежа во всех синтаксических позициях способна заменить форму прямого в функции подлежащего;

7) обобщенные формы имени чаще появляются в постпозиции, чем в препозиции, откуда их употребление переносится и на препозицию;

8) переходный или непереходный характер глагола не влияет на частоту косвенных форм в функции подлежащего;

9) в предикативе причастие и имя прилагательное, как находящиеся на периферии системы имени, проявляют особую склонность к обобщенным формам;

10) флективность в элементах системы имени исчезает в следующем порядке: причастие и имя прилагательное в предикативе, одновременно прилагательное в группе подлежащего, затем имя существительное, сперва тип *muirs—muir*, позднее тип *empeperege—empepereur*;

11) развитие косвенной формы падежа в группах, оторванных от непосредственной связи с противопоставлением подлежащее/прямое дополнение, т. е. в обращении, в приложении, в сравнении, является вторичным фактором в языке, следующим за основной линией развития — за судьбой прямого падежа в функции подлежащего и предикатива;

12) окончательный распад именного склонения в старофранцузском произошел в начале XIV в. в разговорном языке и был отражен в письменности в конце XIV в., таково движение именной системы во времени, а в пространстве оно шло из нормандских и англо-нормандских областей в северо-восточные, т. е. с Запада на Восток.

Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko v.
universiteto Užsienio kalbų katedra

Įteikta
1961 m. spalio 25 d.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ

- Adam. — *Das Adamsspiel, Anglonormannisches Mysterium des XII. Jahrhunderts*, Herausgegeben von Karl Grass, dritte verbesserte Auflage, Max Niemeyer Verlag Halle (Saale), 1928. (Romanische Bibliothek Nr. 6).
- Alexis. — *M. Rösler, Sankt Alexius, Altfranzösische Legendendichtung des 11. Jahrhunderts*, 2. verbesserte Auflage, Max Niemeyer Verlag (Halle), 1941. (Sammlung romanischer Übungstexte Nr. 15).

- Beumanoir. — Philippe de Beumanoir, Coutumes de Beauvaisis, Texte critique publié avec une introduction, un glossaire et une table analytique par Am. Salmon, t. I, 1899. (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire, fasc. 24).
- Brut. — Le Roman de Brut de Wace, Publié par Ivor Arnold, Paris, t. I, 1938, (Société des anciens textes français).
- Chartes anglaises. — Chartes des libertés anglaises (1100—1305) publiées par Ch. Bémont, Paris, 1892, (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire, fasc. 12).
- Couronnement. — Le couronnement de Louis, Chanson de geste publiée d'après tous les manuscrits connus par E. Langlois, Paris, 1888, (Société des anciens textes français).
- Eulalie. — E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. I, II, Leipzig, 4e Auflage, 1920.
- Freine. — Les oeuvres de Simund de Freine publiées par John E. Matzke, Paris, 1909, (Société des anciens textes français).
- Ionas. — E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. I, II, Leipzig, 4e Auflage, 1920.
- Léger. — Saint Léger, E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. I, II, Leipzig, 4e Auflage, 1920.
- Nicolas. — La vie de saint Nicolas par Wace, Poème religieux du XIIe siècle publié d'après tous les manuscrits par Einar Ronsjö, Lund-Copenhague, 1942, (Etudes romanes de Lund publiées par Alf Lombard V).
- Orson. — Orson de Beauvais, Chanson de geste du XIIe siècle publiée d'après le manuscrit unique de Cheltenham par Gaston Paris, Paris, 1899, (Société des anciens textes français).
- Passion. — Passion du Christ, E. Koschwitz, Les plus anciens monuments de la langue française publiés pour les cours universitaires, vol. I, II, Leipzig, 4e Auflage, 1920.
- Pèlerinage. — Le pèlerinage de Charlemagne publié avec un glossaire par Anna J. Cooper, Introduction de l'Abbé Felix Klein, Paris, 1925.
- Raoul. — Raoul de Cambrai, Chanson de geste publié par MM P. Meyer et A. Longon, Paris, 1882, (Société des anciens textes français).
- Roland. — La chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et trd. par Joseph Bédier, Paris, 1937, 124e édition.
- Textes relatifs. — Textes relatifs à l'histoire du Parlement depuis les origines jusqu'en 1314 publiés par Ch. V. Langlois, Paris, 1888, (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire, fasc. 5).
- Vers de la Mort. — Les Vers de la Mort par Hélinant, moine de Froidemont, publiés d'après tous les manuscrits connus par Fr. Wulff et Em. Walberg, Paris, 1905, (Société des anciens textes français).
- Wilelme. — Lois de Guillaume le Conquérant en français et en latin, Textes et études critiques publiés par J. E. Matzke, Paris, 1899, (Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire).

PAGRINDINIAI VARDAŽODŽIO SISTEMOS VYSTYMO SI KELIAI SENOJOJE PRANCŪZŲ KALBOJE

D. ČEBELIS

Re z i u m ė

Vardažodžiui senojoje prancūzų kalboje buvo būdinga dviejų linksnių sistema, kurios šaknys glūdėjo sintaksėje, būtent, veiksnio (casus rectus) priešpastatyme tiesioginiam papildiniui (casus obliquus be prie-linksnio). Senosios prancūzų kalbos vardažodžio linksniavimas vystėsi dviem pagrindinėmis linijomis. Senosios kalbos periodo pradžioje jis pasižymėjo ypatingu gajumu (flektyvino *s* stiprumas, skirtingi kamieniai cas sujet ir cas régime linksniuose vienaskaitoje, linksniavimo paradig-
mų sudarymas vienaskaitos cas sujet kamieno pagrindu ir vadinamoji posesyvinių santykių grupė); tai leidžia kalbėti apie linksniavimo atgijimą pirminiame kalbos vystymosi etape, apie kylančiąją liniją vardažodžio evoliucijoje. Bet šalia kylančios linijos pačiuose seniausiuose prancūzų kalbos paminkluose pastebima ir kita vardažodžio sistemos vystymosi linija — krintančioji, kurios evoliucija baigiasi visiška cas régime pergale, t. y. galutiniu linksniavimo sistemos subyrėjimu.

Lygiagrečiai su vardažodžio fleksijos nykimu vystosi žodžių tvarka senojoje prancūzų kalboje. Jos sustingimas, t. y. galimybė nustatyti veiksnio ir tiesioginio papildinio funkcijas pagal jas reiškiančių žodžių vietą galutinai pakirto šaknis dviejų linksnių sistemai, nes fleksija grindžiamą skirtumą ėmė reikšti sintaksinis faktorius — žodžių tvarka sakinyje.

Vardažodžio fleksijos subyrėjimas pirmiausia pastebimas nominalinėje frazėje, nes ten iš viso nėra veiksnio priešpastatymo tiesioginiam papildiniui; vėliau fleksija ima silpnėti ir veiksnio sferoje tranzityvinėse konstrukcijose. Ypač dažnai fleksija išnyksta, kai veiksnys eina po tari-
nio. Greita su fleksijos nykimu nominalinėse ir tranzityvinėse konstrukci-
jose vardažodis įgauna sustingusias cas régime formas ir grupėse, ne-
jeinančiose į sferą, kuriai būdingas veiksnio priešpastatymas tiesiogi-
niam papildiniui, — kreipinyje, priedėlyje ir palyginime.
